

ЭПИСТЕМА И ИСТИНА СОЦИАЛЬНОЙ НАУКИ: НЕКОТОРЫЕ ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ*

Аннотация: В статье с позиций аналитического обзора описываются два важнейших категориальных понятия социальной науки: эпистема и истина. В качестве обоснования специфического понимания данных понятий в социальной теории выступают теоретико-методологические стратегии, обоснованные в неклассическом структурализме М. Фуко. Смысловым стержнем работы выступает идея о том, что эпистема и истина, содержательно артикулируя принципы настоящей открытости, (в противовес концепции закрытости), задают параметральные установки на исследование объективированного знания о социальной действительности, с позиций выработки теоретико-методологических подходов о действиях в самой социальной действительности.

Ключевые слова: эпистема и истина социальной науки, социальная гносеология, ее принципы.

Вопросы рассмотрения истории представлений о природе социального знания невозможны без анализа методологии его получения и формирования. По завершении данного этапа исследования появляется возможность перехода к рассмотрению наиболее фундаментальных из возможных в этой связи проблем. Данные проблемы подвергнем структуризации через вопрошания: Как возможно познание социальной действительности? Что представляет собой истина социальной науки, каков её характер? Эти вопросы, на наш взгляд, и образуют существо эпистемологической проблематики социального знания, о которых пойдёт речь в данной статье.

Греческое слово *episteme* обычно переводят как «знание», «наука», «познание», хотя его первоначальное значение – «умение», «способность что-либо делать». Такая [эпистемология] сущностно подчёркивает, что научное знание в значительной мере ориентировано на практику, а не выступает своеобразной «игрой в бисер». В философии термин «эпистема», как правило, употребляется в широком значении: речь чаще [всего] идёт об эпистеме Запада в целом, а не об эпистеме отдельной эпохи или науки, хотя, как известно, возможен и такой подход.

В современный научный обиход «эпистему» ввёл известный французский философ М. Фуко. В «Словах и вещах» (1976) [1] она трактовалась как

эмпирический парадокс исследовательских практик, как дискурсивное поле, в рамках которого вырабатываются научные представления. «Дискурс» понимался Фуко в качестве научной концепции, воплощённой в тексте – социально обусловленной последовательности суждений, выражающей отношение общества к предмету исследования[†]. При этом Фуко, как известно, исходил из концепции языкового характера мышления и сводимости всех социальных практик к дискурсивным. Что привело Фуко к такому взгляду на эпистему?

Он обратил самое пристальное внимание на структурное подобие теорий, развивавшихся в одно и то же время в различных областях исследований. Путём введения глобального контекста в понятие «эпистема», рассмотрев его с позиций стратегического социального «инструментария», Фуко получает весьма нетривиальный результат: в качестве схемы познавательной деятельности эпистема выступает трансцендентальным элементом организации познания^{**}.

Таким образом, эпистема представляет собой «структуру прежде всех других структур», по законам которой конституируются и действуют все остальные структуры. Она имеет дискурсивную природу и реализуется в сетях отношений «слова» - «вещи» как раз иначе, в зависимости от культурных (гуманитарных) оснований исторической эпохи, как мы отметили выше.

Каково же рассмотрение эпистемы в социальной науке? Применительно к социальной науке эпистема представляет собой базовые коды, управляющие динамикой этой науки, бытующими в ней схемами восприятия, ценностями, формами выражения и обмена. Эмпирические дискурсы социальных наук (интерпретируемые как способы общения и понимания социальной действительности) разнородны, но в совокупности они образуют относительно единую «эпистему» – уровень социально-теоретических представлений [своего времени], принятых в определённой национальной и/или интернациональной социальной науке.

* Здесь следует добавить, что, анализируя «эпистемы» как познавательные поля-системы классификации и порождения высказывания, Фуко в основание данного образования кладёт соотношение «слов» и «вещей», классифицируя их по историческим этапам развития европейской культуры. При этом современный ему период он определяет как «антропологическую эпистему».

** Такого рода исследовательский подход прямо отправляет нас к идеям социальной философии Канта и Гегеля, а также целого ряда современных коммуникативных теорий.

Позднее, в работе «Археология знаний» (1969) [2] Фуко выделяет в качестве основной характеристики эпистемы её «позитивность», понятую как пространственно-временное единство поля познания. Важно отметить здесь, что фактически тем самым, возможно впервые, Фуко задаёт организацию нового типа исследования феномена социального – посредством формирования подтеории структуризации социальной гносеологии (социальной эпистемологии).

Позитивность воплощается в дискурсе благодаря историческому *arçioi* – благоприятной для неё совокупности социально-культурных условий. Согласно Фуко, эпистема социальной науки есть некий код, реализующийся как набор правил или «предписаний», «запретов и выборов»; это более или менее определённое множество исследовательских процедур, которые в одно и то же время стимулируют и подавляют, организуют и контролируют производство научного дискурса о социальной действительности.

Мы будем в своих рассуждениях исходить из того, что в общем виде эпистема социальной науки – это система оснований социального познания, *граница того, что социально-теоретически познаваемо*. Она представляет собой динамическую социальную структуру, обуславливающую конкретный социально-теоретический дискурс (т.е. национально-языковую версию научного дискурса о социальной действительности) в каждый исторический период. В связи с нашим обозначением эпистемы как структуры, есть смысл дать общее определение этого понятия, которое мы нашли у И.Ф. Девятко. Приведём его определение.

Под структурой обычно понимают «неявные, скрытые от непосредственно наблюдения, однако выявленные, относительно автономные от субъективных интенций во всех без исключения областях социальной жизни надындивидуальные социальные и психологические устройства, детерминирующие как непосредственный индивидуальный опыт, так и совокупную социальную практику людей. Предполагается, что структуры не только надындивидуальны, но и первичны по отношению к сознанию и деятельности» [3, с.65]. Продолжая наши суждения, усилим приведённое определение понятия структуры смысловым измерением, т.е. укажем на то, что [эта] структура есть выражение глубинного уровня того, что считается социальными знаниями. Она содержит скрытые от непосредственного наблюдения порядок научного дискурса о социальной действительности и схемы научных практик, если развивать логику структуралистского подхода.

Нелишне будет отметить, что «эпистема» как конструируемая социальной теорией структура относится не к действительности научного произ-

водства, а к модели, построенной в соответствии с ней. При этом структура полагается, что закономерно, как динамическая и историческая сущность. В пространственно-временном социальном выражении данная структура располагается на уровне абстракций, смещённом по отношению к эмпирически фиксируемым научным практикам. В этом смысле можно заключить, что не эпистема присутствует в таких-то практиках, а что непосредственно (включённо наблюдаемые) практики репрезентируют абстрактную и смещённую относительно них структуру, построенную исследователями и названную ими «эпистемой социальной науки».

Говоря об использовании понятия «эпистема», следует особо подчеркнуть, что субъективность и интенциональность выступают функциями социальных структур (общественных отношений, практических схем и т.д.), а не как нечто первичное. При подобном подходе автономный, прозрачный для самого себя и, что немаловажно, неангажированный субъект перестаёт быть центром социального познания. Концептуальная рамка, намеченная «эпистемой», такова, что условием возможности intersubjectивных структур в социально-теоретическом опыте выступают бессубъектные инстанции (социальные отношения, габитус и др.), выполняющие основные функции того, что в философии традиционно обозначается как «трансцендентальный субъект».

Выходя из исследовательски-содержательные обобщения, резюмируем: «эпистемологическое видение» социальной науки имплицитно упраздняет саму оппозицию «субъект – объект», поскольку делает нерелевантной концепцию знания как репрезентации, согласно которой познающий субъект противопоставляется независимой от него социальной действительности (приравняваемой к пространству объектов) и сравнительно верно воспроизводит её в социальном знании. Оказывается, что, с одной стороны, «объективные данные» социальной науки всегда уже субъективно предынтерпретированы, а с другой – условием возможности познания социальной действительности выступает «онтологическая захваченность» исследователя.

Резюмируя всё вышесказанное, можно заключить, что следствием вышеописанного выступает отсутствие сомнений в наличии в социальном знании силовых эффектов научного производства, непрямого коммуникации, социально-теоретического и политического измерений*. Говоря о производстве социальных знаний как о практиках, взятых вместе с их условиями и предпосылками, мы

* Эту позицию достаточно убедительно показал, к примеру, Т. Кун своей знаменитой работой «Структура научных революций».

тем самым аргументируем обусловленность социального познания. Самая абстрактная социальная теория есть специфическая форма организации фактического социального опыта.

В силу этого (и это существенно важно) последняя значима лишь в определённом практическом контексте и должна рефлексивно соотноситься как с позицией исследователя в социальном пространстве, так и с его позицией в поле науки. Само существование эпистемы социальной науки выражает проблематичность социального познания. Эпистемология социальной науки отдаёт приоритет не классическому отношению «субъект-объект-познание», а, скорее, структурам и динамике социального знания, выраженного в дискурсе, который проводит социальные различия. При этом важна не столько возможность приложения социальной теории к конкретным социальным практикам и представлениям, умениям и навыкам, сколько влияние данных регионов явлений на изменение исходных социально-теоретических конструктов, предметных областей, методов, теорий и т.д.

Подведём некоторый итог. В нашем понимании эпистемологические принципы социального познания – это принципы строения социального знания, механизмы его объективации и реализации в исследовательских практиках, основания различия истина/заблуждение.

Эпистема социальной науки учреждает рефлексивный горизонт, внутри которого социально-теоретический дискурс обретает свой практический смысл. Данный горизонт, конкретизированный именно теоретико-методологическим стремлением к реализации, обусловлен изначальной схемой социального исследования, нацеленной на конструирование более или менее рационального и систематического дискурса о социальной действительности, являющегося внутренним моментом этой действительности.

Совершенно очевидно, что невозможно абстрагироваться от социальной обусловленности и социально-политической ангажированности каждого конкретного исследования (о чём говорил в своей работе «Структура научных революций» Т. Кун, а также предельно обнажил этот тезис в своих работах П. Бурдьё), вследствие чего любая попытка свести его лишь к познавательному или методологическому измерению является, в чём мы твёрдо убеждены, фатальной ошибкой.

Неопределённость эпистемы социальной науки как исторического горизонта и ансамбля социально-политических условий действительности любого, (ещё раз подчеркнём), исследования исключает возможность формулирования каких-либо общезначимых и абсолютных, вечных и неизменных предпосылок и целей социальных

исследований, кроме, как нам видится, одной: социальные теоретики – ещё в большей степени, чем любые другие исследователи – должны математически проводить различие между истиной и заблуждением, между эпистемой и доксой*.

Если не вдаваться в обширную конкретизацию и на этом уровне дать предварительный вывод, то он может звучать так: направление исследования на экспликацию природы социального знания, на выяснение того, что представляет собой истина в социальной теории, – посредством привлечения понятия «социальная эпистема», – позволяет ставить вопрос о механизмах отделения истины социальной теории от доксы.

Целевой и содержательный ответ мы получим, если обратимся к парадигмальной установке, идущей от науки Нового времени по поводу подвержения пересмотру понимания истины как репрезентации бытия. Р. Рорти писал в этой связи: «<...> Традиционное убеждение, что «истина – это соответствие реальности», представляет собой лишь истёртую и обесценившуюся метафору <...> Представление о том, что есть какой-то один язык среди множества других, которому мир отдаёт предпочтение – язык, расчленяющий вещи на части, – было приятным самомнением. Но сейчас оно стало слишком залежалым, чтобы служить чему-либо» [4, с.75].

Наука Нового времени свела доказуемость к нахождению согласования между представлениями познания, которые в действительности ограничиваются формами чувства и понятиями. Отметим здесь, что задачи, решаемые социальной наукой, имея статус чрезвычайной сложности, именно в практической своей составляющей не столько ищут истину, формально логически понимаемую как репрезентация, сколько открывают множество феноменов для научного дискурса. Этот вопрос выводит нас на один из центральных принципов социальной эпистемологии в целом, а именно: принцип настоящей открытости есть не субстанция, а многовекторная функция, содержание настоящей открытости – не столько объективированное знание о социальной действительности, сколько действие в ней.

И здесь мы вернёмся к вопросам, поставленным в начале статьи, а именно вопросам о том, как, каким образом из социальной онтологии прежде всего «вырастает» социальная эпистема? В совокупности со всем вышеизложенным, совершенно естественна артикуляция того, что с онтологичес-

* Точка зрения, отправляющая нас к идеям рассмотрения связи нарративно-оформленного мнения в структуре научного понятия высказана, к примеру, в работе А.В. Нехаева «Термин доксома в логической структуре суждения» // Вестник РУДН. Серия Философия. – 2008. – № 1. – С. 34-40. Особое внимание в данной работе уделено рассмотрению специфики связи доксома с конкретными историческими ситуациями.

кой точки зрения социальная истина, (как и любая другая), есть, прежде всего, *открытость*^{*}. В рамках настоящей статьи, в целях нашего исследования, исходим из позиции, которая представляется нам ключевой: истина социальной науки имеет место на пересечении социальной теории и социальной действительности, принадлежит как автономной социальной науке, так и общественной практике. Перспективным в этой связи является положение о том, что *открытый характер истины социальной теории* сообщает ей в одно и то же время как собственно эпистемологическую, так и жизненно-практическую, социально-политическую значимость.

И напротив, концепция закрытости, удалённости социальной теории от социальной действительности представляет собой, на наш взгляд, заблуждение. Оно проявляется, в частности, в весьма устойчивом здесь представлении о том, что социально-теоретические исследования и дискурс в целом принадлежат исключительно изолированному полю социальной науки. Доктринальные положения социальной теории как замкнутого самостоятельного множества практик и структур лежат в основе «семантического» подхода к истине социального знания. Согласно этому подходу истина есть всего лишь релевантное и непротиворечивое суждение, построенное в точном соответствии с принятыми логико-лингвистическими правилами.

Опираясь на иную методологию, «семантическая» точка зрения на истину социальной науки [фундируется] бытованием «узкой» парадигмы социально-теоретического исследования как неутилитарного предприятия, исключающего внешний критерий истины. В рамках этой парадигмы допустимы метафизические исследования истории идей и разнообразных внеэмпирических сущностей. В пределах же онтологического подхода, с учётом содержания описываемой в работе роли и значения социальной эпистемы в социальной теории, конструируется показ того, что истина социальной науки может быть представлена в качестве «*события*».

Выработав данную идею, как ведущую в нашей аналитической разработке, обозначим, что закрепление события есть целостно зафиксированная встреча производства социально-теоретического дискурса с социальной действительностью. И здесь мы подходим к главному, о чём считали необходимым сказать в данной работе.

^{*} Обращая внимание на важность данной проблематики, укажем на одну из наиболее известных отечественных работ последнего времени, посвящённую актуализации идей новейшей эпистемологии: Швырёв, В.С. О понятиях «открытой» и «закрытой» рациональности (рациональность в спектре её возможностей) / В.С. Швырёв // Рациональность на перепутье. Книга 1. – М., 1999.

Такого рода встреча есть манифестация внешних отношений между сравнительно автономным полем социальной науки и социальной действительностью, т.е. таких отношений, которые не определяют ни сущности этого поля, ни сущности этой действительности.

«Событие» социально-теоретической истины детерминировано внешними отношениями, столкновением институционализированного научного исследования и его объекта, а потому оно имеет основание в себе самом, а не в какой-либо охватывающей его социальной структуре. Внутренняя обусловленность, самодетерминация социально-теоретической истины эмпирически проявляется как её контингентность, случайность: при наличии некоего комплекса условий истина иногда «происходит», а иногда нет.

И, наконец, самое важное. Истина социальной науки рискованна и не управляется непосредственными внешними (политическими или экономическими) воздействиями. Её «событие» всегда проблематично и непредсказуемо. В этой связи нам представляется важным и глубоким замечание, сделанное А. Бадью: «Пока случается только то, что соответствует правилам некоего положения вещей, возможно конечно же, познание, правильные высказывания, накопление знаний; невозможна здесь истина. Истина парадоксальна тем, что она одновременно и внове, следовательно – нечто редкостное, исключительное, и, затрагивая самое бытие того, истиной чего является, наиболее прочна, наиболее, говоря онтологически, близка к исходному положению вещей» [5, с.16-17]. В данном случае способом структурирования социальной истины становится понимание того, что истина социальной науки самодетерминирована, а не задаётся социальной действительностью.

Но при этом немаловажным «со-событием» является и то, что такое положение вещей делает её *избыточной* по отношению к данной действительности. Это означает следующее. Поскольку «событие» социально-теоретической истины состоит лишь во внешних отношениях с социальными структурами, постольку оно не сформировано ими целиком и полностью и может воплощать иные бытийные инварианты, т.е. избыток, внешний уже существующим структурам. Избыточность социально-теоретической истины делает её релевантной неоднозначным и непредсказуемым, спонтанно возникающим социальным ситуациям.

В качестве конечного резюмирования в нашей работе, начатого с рассмотрения эпистемы и развитого до экспликации разных граней социальной истины, можно предложить следующий тезис. Переступая границы сложившегося социального порядка, «событие» социально-теоретической ис-

тины выступает одним из условий возможности изменения социально-политического положения вещей. Такое «событие» может способствовать нарушению спонтанно установившегося баланса сил, и в этом смысле оно революционно.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / Пер. с франц. В.П. Визгина, Н.С. Автономовой; вступ. ст. Н.С. Автономовой. – СПб.: Acad, 1994.
2. Фуко М. Археология знания / Пер. с франц. М.Б. Раковой, А.Ю. Серебрянниковой. – СПб.: ИЦ «Гуманитарная академия», Университетская книга, 2004.
3. Девятко И.Ф. Социологические теории деятельности и практической рациональности. – М.: Аванта Плюс, 2003.
4. Рорти Р. Тексты и куски // Логос. – 1996. - № 8.
5. Бадью А. Манифест философии / Сост. и пер. с франц. В.Е. Лапицкого. – СПб.: Machina, 2003.

УДК 2-18

Петрунин А.М.

ЕДИНАЯ НАУКА О ЧЕЛОВЕКЕ: ПРОБЛЕМА И ПОПЫТКА ЕЁ РЕШЕНИЯ НА МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЙ ОСНОВЕ УЧЕНИЯ О МУДРЕЦЕ*

Аннотация: Предложенная читателю статья посвящена исследованию проблемы единой науки о человеке. Автор, опираясь на разработанное им учение о мудреце, считает, что исходными положениями возможной науки могли бы быть знания о внешних условиях (ритмах Вселенной, природы, общества) и внутренних факторах (ритмах биологических, химических, механических, физических, социальных), которые, гармонически взаимодействуя между собой, обуславливают бытие (сущность) человека.

Ключевые слова: мудрость, мудрец, единая наука о человеке как проблема, антропологическая ритмология.

«Нужно знать самого себя.
Пусть это не поможет найти истину,
но поможет хотя бы правильно устроить
свою жизнь, а это самое благое дело» [15; 103].

Актуальность проблемы обоснования единой науки о человеке возрастает по мере накопления противоречивых знаний о нём. Эти знания по-разному влияют на развитие человека, принимающего в настоящее время такие деформации, которые порой не совместимы с его социальной

A. Moushich-Gromyko
EPISTEME AND TRUTH IN SOCIAL SCIENCE: SOME THEORETICAL AND METHODOLOGICAL ASPECTS

Abstract: The author describes two most important categorical notions of social science such as episteme and truth from a position of analytical review. The theoretical and methodological strategies explained in non-classical structuralism by M. Foucault play the role of substantiation specific interpretation of these notions in social theory. A sense core of the paper is in idea in which episteme and truth, substantially expressing the principles of true openness (in contrast to the conception of closeness), determine the parametric settings of studying objectified knowledge about social reality from a position of making the theoretical and methodological approaches about actions in the social reality itself.

Key words: episteme and truth of a social science, social gnoseology, its principles.

жизнью. Единая наука о человеке необходима для того, чтобы уточнить его сущность, исключить противоречивые деформации в его развитии. Поиск теоретических основ человека, самого главного предмета в мире, ведут антропологи, социологи, педагоги и другие специалисты, которые соревнуясь в названиях и полноте содержания своих трудов, они, тем не менее, не в состоянии дать целостного учения о человеке.

Большие надежды на решение проблемы создания единой науки о человеке возлагаются на философов и философию, история которой тоже богата различными точками зрения. Так, неудивительно, что Сократ, глубоко осознавая своё незнание о себе, говорил, что «я знаю только то, что ничего не знаю» [цит. по 6; 113]. Это изречение мудреца, отражая сложность и драматизм проблемы, стало началом развития будущей науки антропологии.

В последующем многие философы посвятили свои произведения изучению человека. Среди них отметим немецкого философа Л. Фейербаха, антропологический материализм которого стал важной вехой на этом пути. Чем больше накапливалось знаний о человеке, тем активнее философы пытались решить поставленную задачу. Важный вклад в познание человека внесли М. Бубер, А. Дильтей, Э. Кассирер, М. Шелер и др. Со временем

* © Петрунин А.М.